

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

ИРЕНА БРЕЖЖНА

НЕБЛАГОДАРНАЯ
ЧУЖЕСТРАНКА

ЭКМО
Москва
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Шва)
Б 87

Irena Brežná
DIE UNDANKBARE FREMDE

Originally published in the German language as «Die undankbare Fremde»
by Irena Brežná. Published under the imprint Galiani Berlin
Copyright © 2012, Verlag Kiepenheuer & Witsch GmbH & Co. KG, Cologne/ Germany
© Photo by Mano Strauch

Перевод книги выполнен при поддержке
Швейцарского совета по культуре «Pro Helvetia»

швейцарский совет по культуре

prohelvetia

Перевод с немецкого *С. Городецкого*

Художественное оформление *А. Старикова*

Брежна, Ирена.

Б 87 Неблагодарная чужестранка / Ирена Брежна. — Москва : Эксмо, 2014. — 192 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

«Неблагодарная чужестранка» — одна из тех книг, где первичны не события. Автору важно показать, что чувствует тот, кому ежедневно и ежечасно показывают, что он — чужой, какая это пытка — все время быть благодарным. «Оставив родину в привычной глазу тьме, мы приближались к светящейся чужбине» — так начинается роман. Будет ли светящаяся чужбина милосердна к тем, кто пытается в нее врать и стать хоть немного «своим»?

Роман получил литературную премию Конфедерации (Eidgenössischer Preis für Literatur).

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Шва)

© Городецкий С., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-76010-7

Оставив родину в привычной глазу тьме, мы приближались к светящейся чужбине.

— Как много света! — воскликнула мама, словно в доказательство того, что нас ждет светлое будущее.

Уличные фонари не тлели бледно-оранжевым, как у нас, а ослепляли наподобие прожекторов. Мама была преисполнена эмиграционного воодушевления и не замечала сонма комаров, жучков и ночных мотыльков, роившихся вокруг фонарной лампы, прикицавших к ней, бившихся крылышками и лапками за жизнь и, наконец, сгоравших в безжалостном огне и падавших на чистую мостовую. Тот же яркий свет чужбины поглощал и мерцание звезд.

В казарме нас допрашивал капитан, лишенный всяких языковых способностей. Он едва картавил «р», не мог выговорить ни «ж», ни «дж», ни мягких «ль», «ть»,

«нь», ни «уо» и настолько неправильно расставлял ударения, что я даже не узнала свою фамилию. Записав ее в анкете, он убрал все диакритические крылышки и домики:

— Эта чепуха вам здесь не понадобится.

Еще он убрал мое округлое женское окончание, дав мне фамилию отца и брата. Те молча сидели, пока меня калечили. Зачем мне эта куца мужская фамилия? Я дрожала от холода.

Капитан удовлетворенно откинулся на спинку стула:

— Вы бежали к нам, потому что у нас свобода самовыражения?

Это длинное слово было нам неизвестно. Что нам нужно было выразить, чтобы он дал нам постели и шерстяные одеяла? Говорить то, что думаешь, значит сеять раздор, быть одиночкой, а то и сидеть в одиночке.

Капитан тщетно прождал нашего самовыражения, потом спросил подозрительно низким голосом:

— А вера у вас какая?

Я боялась, что родители готовы на пакт с дьяволом, готовы призывать Бога,

но они оставались безбожниками и молчали.

Тут капитан обратился ко мне:

— Во что ты веришь, девочка?

— В лучший мир.

— Значит, ты попала по адресу. Добро пожаловать!

Подмигнув мне, он скрепил мою судьбу звучной печатью. Худощавая дама повела нас длинными коридорами. На меня она посматривала полным сочувствия взглядом. Я искала несчастного, к которому относится взгляд, и не находила его. Неужели эта дама без макияжа и начеса жалела меня?! Я ощупала себя, все было на месте. Тут я почувствовала, как ковыляет моя душа, устремляясь к уготованной койке беженца. Как ее сковало. Нам выдали одеяла из грубой, размеченной квадратами шерсти. Спортивный зал полнился сидевшими на раскладушках соотечественниками. Я пыталась найти в их глазах то, что им не давали выразить, но отыскивала лишь ослепших ночных мотыльков. Когда кто-то вспомнил оккупационные анекдоты, во мне встрепенулся,

но тут же угас в слезах подавленный смех. Я плакала над последним анекдотом нашей диктатуры. Теперь нам предстояло жить в демократии и без анекдотов. Соотечественники обсуждали неведомые страны, прикидывали, где лучше. Так и не притронувшись к сложенным одеялам, мы снова отправились в путь.

Нелепо в нашей истории было то, что мы подверглись нападению лучших друзей и, убегая от войск союзников, очутились во вражеской стране. Еще до полуночи мы приехали в какой-то город. В кишевшей беженцами гостинице получили собственный номер. Блюда мы могли заказывать только самые дешевые, но мы не огорчались — самые дорогие наверняка были столь же пресными на вкус. Национальные блюда наших бабушек считались здесь нездоровой пищей. Тут ели твердый сыр, обсуждать который не полагалось.

— Чтобы не получилось, как с той вороной из басни, — учили нас на языковых курсах.

Там я познакомилась с соотечественницей Марой. С завистью смотрела на ее

набитый ватой бюстгальтер. И, как верная подруга, Мара украла такой же для меня. После курсов мы примеривались к платьям, что болтались на улице, словно брошенные на произвол чужестранки. Серьезные подтянутые дамы в мятых матерчатых брюках и без всяких украшений — как моя новая мужская фамилия — спешили мимо мини-юбок из блестящей тафты и золотистых бархатных пиджачков, не достаивая их взглядом.

Мара говорила:

— Это не женщины. Иначе они скупили бы тут все шмотки. Как грустно, что они никому не нужны.

После того как Мара опозорила наш народ, я написала ей в колонию для малолетних: «Дорогая Мара, как несправедливо, что в сезон скидок тебя нет рядом. У мини-юбок теперь красные ценники, похожие на красные заплаканные глаза».

Вернулась Мара не через три года, а через три недели. В судах был сезон скидок на наказания.

Руководительница переводческой службы поучает международную армию языковых поденщиков:

— Передавать, но не вдаваться.

Она не подвешена между континентами, не знает, с каким грохотом сталкиваются тектонические плиты культур. Перед каждым заданием я увещеваю себя: «Не увлекайся, пусть берег будет берегом, не строй из себя мост, всегда готовый к услугам, иначе тебя растопчут и сломают. Будь языковым паромом. Перевози пассажиров, ссаживай и стирай из памяти их лица».

Но на паромщице все равно остаются следы обоих берегов. Я перевожу с трех языков. Когда поступает заказ, я сажусь на велосипед и под жужжание колес ломаю голову над тем, из какой страны придут мои нынешние пассажиры. Люблю то мгновение, когда при виде человека проявляется его язык. Часто мне удается угадать язык за несколько секунд до этого. По пропорциям рта угадываю, какие звуки сформировали его. Потом приветствую человека, а приветствие подразумевает и язык. Языки — это живые существа. Они живут среди нас:

слоняются без дела, пританцовывают, гремят, спотыкаются, лепечут. Мы кормим и одеваем их, отчего языки становятся сытыми или вышедшими из моды, голодающими или стильными. С головной болью у меня появляется повышенная чувствительность к звукам. Резкий, возбужденный голос раскалывает мой мозг пополам, я крепко сжимаю веки от боли. В целебных водах ласковых интонаций я купаюсь и выздоравливаю.

Беременная сидит с мужем в зале ожидания гинекологической клиники; я узнаю эту пару по потерянности. Подхожу с широкой улыбкой, но на их лицах сразу отражается напряжение. Там, откуда они прибыли, в общественных местах не принято улыбаться. Если улыбаешься, значит, тебе что-то нужно. Когда беременная забирается в гинекологическое кресло, а медсестра с помощью специального прибора охватывает ее живот черными лентами, женщина скованна. День за днем беременная не идет у меня из головы, так и стоит перед глазами, что бы я ни делала. Думаю, поймет ли она, когда во время схваток ее будут по-

нукать: «Тужьтесь, тужьтесь». Стараюсь успокоить себя: конечно, когда акушерка грубо прикрикнет «Тужьтесь!», роженица ее и без перевода поймет. Тут мне чудится крик, и сильно выпирающий живот быстро опадает. Звонит телефон. Мне надо срочно бежать в родильный зал.

Акушерка заявляет:

— Матка раскрылась уже на восемь сантиметров.

И выпроваживает меня за дверь. У этой толстой двери женщина-врач бегло интересуется у мужа:

— В семье были уродцы, двойняшки или тройняшки?

— Нет.

— Диабет? Проблемы с сердцем?

— Нет-нет.

Наркотики она не принимает? А со спиртным как? Курит? Есть ли склонность к депрессии?

— С ней все в порядке, — громко заверяет муж.

У меня затемнение, я умолкаю. Открывшаяся матка лишила меня речи. С небольшими промежутками до нас доносятся ка-

кие-то совиные крики. Вдруг они умолкают, потом слышатся тихое похныкивание.

Я бросаюсь мужу на шею:

— Она родила!

Он воздевает руки к небу:

— Да вознаградит вас Господь!

Он вытаскивает из рюкзака арбуз и протягивает его мне. Лицо мужа сверкает как огонь, щеки округляются, словно кто-то накачивает их веселящим газом, этим летним вечером они раздуваются вместо живота. В родильном зале на тележке черно-красными холмами густеет плацента, голая молодая мать лежит тихо и недвижно, широкий живот, голова повернута набок. Новорожденный открывает глаза.

Я забываю все языки и, добравшись до дома, съедаю арбуз.

Мы очутились в дореволюционном прошлом. Лозунги на стенах не призывали к противостоянию слоев общества, а склоняли лечь на матрас с несколькими слоями пены. С виду серьезный мужчина, заявлявший с плаката: «Мы заботимся о вас», умалчивал, что за его заботу

придется раскошелиться. Улыбчивая домохозяйка предлагала: «Лучшее для вас», призывая встать на колени и полировать кухонный пол.

Мара возмущалась:

— Неужели мы бросили родину ради свободы выбора между чистящими средствами?

Здесь не было народных масс, в которых можно было раствориться, как на демонстрациях в честь заводского пролетариата. Лишь двое длинноволосых парней с до ужаса серьезными лицами держали транспарант «Право на лень». Мы с Марой отправились туда, где привыкли видеть шумные толпы. Но в кинозале наткнулись на немногочисленных мужчин. Видно, раз женщины в этой стране не имели права голоса, значит, и в кино их не пускали. Сам фильм, впрочем, никакого отношения к политике не имел: две подружки пили кофе и ели торт вместе с мужчиной. Как только они принялись снимать бюстгальтеры, зрители подсели к нам поближе. А когда дело дошло до научно-фантастической сцены расстеги-

вания мужских штанов, мы выбежали на улицу.

Мара заявила:

— На чай с тортом нас теперь ни за что не заманишь.

Однако с личной жизнью нам доводилось сталкиваться лишь на уличных плакатах. Местное население не предлагало чужакам воспользоваться правом на лень в собственных гостиных. Зато открывало двери в почтенное здание, объединявшее в себе черты верховного суда, естественно-научного музея и железнодорожного вокзала. Здесь на нескольких этажах под стеклянным куполом выставлялись вещи с едва заметными ценниками. В этих вещах было мало проку, но много цвета. Они производились из всех мыслимых материалов и по-царски красовались в лучах подсветки. Их вывели из некой правещи путем селекции. Сколько видов и гибридов получилось благодаря мутации! А у нас, как при сотворении мира, был один хлеб, одна помада, одна мать, одна партия, одни рыбные консервы и крайне редко встречались одни нейлоновые колготки.